

Людмила Карева

*Мила и Муслим:
Музыка
для двоих*

 ЭТЕРНА

Москва 2016

УДК 82.94
ББК 63.3 (2)
К22

В книге использованы фотографии из личного архива автора.
Литературная обработка Ксении Рождественской

Дизайн – Андрей Архутик

Карева, Людмила

К22 **Мила и Муслим: Музыка для двоих.** — М.: Этерна, 2016. — 336 с.: ил.

ISBN 978-5-480-00368-0

Муслим Магомаев и Людмила Карева прожили вместе десять лет. Десять лет молодости, любви, творчества, совместной работы. В своих воспоминаниях Людмила Карева рассказывает о звездных годах Муслима Магомаева, о его соратниках и друзьях, о бурных шестидесятих – и о мелодии любви, звучащей сквозь годы и расстояния.

УДК 82.94
ББК 63.3 (2)

© Л.Б. Карева, 2016
© К.Р. Рождественская, литературная обработка, 2016
ISBN 978-5-480-00368-0 © ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2016

Когда я слушаю песню «Живут во мне воспоминания», всегда думаю, что это о нас с тобой. «...Слова любви, слова признания, живут во мне воспоминания, живут во сне и наяву», – я всегда знала, что ты поешь это о нашей любви. Во мне эти воспоминания живут всегда, твой голос снится мне по ночам. Я слышу, как ты говоришь «Малыш», и снова теряю голову, готова бежать, куда ты скажешь, делать все, что ты захочешь. Я помню всю нашу с тобой жизнь, все эти десять счастливых и сумасбродных лет, все эти три с лишним тысячи дней, нашу молодость, наполненную музыкой и любовью, бешеную, неудержимую энергию творчества. Я помню и жизнь без тебя, которая все равно была заполнена тобой. И понимаю, что и в тебе эти воспоминания тоже никогда не умирали, потому что без них тебя бы не было. Ты даже книжку так назвал – «Живут во мне воспоминания».

Я читала эту книжку и на каждой странице искала тебя. И не находила. Это не ты, не тот Муслим, которого я знала, человек с израненной, трепетной, горькой душой. Это кто-то другой – высокомерный, полный желчи, не ценящий друзей и коллег, отвернувшийся от своей молодости. Вспоминаю, как мы вместе читали твои дневники, — я читала и плакала, настолько это было искренне, настолько человечно. И куда все это делось? Мне очень больно, что ты забыл нашу любовь. Но еще больнее, что ты забыл себя.

Та песня заканчивалась словами: «Пока я помню, я живу». Ты все забыл. Я помню.

1.

Жара в Москве стояла невыносимая. Жаркое-жаркое лето 1963 года. Я выскочила с работы на обед – работала я тогда в редакции радиопрограммы «С добрым утром!» и в тот день вела запись на улице Качалова, в Доме звукозаписи. Бегу к проходной – и чуть не врезаюсь в высокого, худого паренька. Муслим Магомаев! Стоит у нас на проходной, а вахтер ему что-то выговаривает – видимо, пропуск требует. Я сразу узнала Магомаева. В тот год его узнавали все. После хельсинкского фестиваля, где он получил первую премию, после московской декады азербайджанского искусства он стал настоящей звездой. «Фигаро, Фигаро, Фи-и-и-гаро!» Азербайджанский концерт из Кремлевского дворца съездов показывали по телевизору, Магомаев тогда спел «Бухенвальдский набат» и каватину Фигаро, и мы все были покорены – совсем молодой певец, 21 год, а такой голос!

Мне тогда было почти девятнадцать, я очень серьезно относилась к работе, а к музыке – еще серьезней. Музыка была для меня не просто работой: я с детства в ней жила, она была моим воздухом. Я выросла в композиторской семье, мама, Нина Фиготина, была певицей, а отец, Борис Фиготин, – композитором. И сама я с четырех лет ходила в музыкальную школу. Музыка весь день, всю жизнь. Мне казалось, что все музыканты – люди из какого-то тайного братства, и я тоже имею к нему отношение. И вот еще один человек из нашего братства, а вахтер не пускает

После Декады азербайджанского искусства в Москве, 1963

*Фотография сделана на работе
за два-три дня до знакомства с Муслимом*

его на студию! Ему безразлично, кто перед ним: нет пропуска – разговор короткий, не пройдешь. А пропуск, видимо, Магомаеву не заказали, и он стоит злой, раздраженный. Еще эта жара изматывающая... Москва раскаленная, белая от жары, солнце льется с крыш, и ни ветерка, как будто все остановилось.

Я решила вмешаться:

– Послушайте, – строго говорю вахтеру, – это Муслим Магомаев, такой хороший певец, новый, молодой, он идет на запись, пропустите его.

– Не положено! У него пропуска нет!

– Ну нет у него пропуска, но меня-то вы знаете, я редактор, пропустите его.

– Не положено.

Пришлось мне бежать обратно в редакцию, узнавать, к кому на запись пришел Муслим, срочно делать ему пропуск, бежать обратно вниз. А там Магомаев уже кипел от злости, ужасно его раз-

дражала вся эта ситуация. Но повернулся ко мне, успел собрать лицо в кучку, улыбнулся через силу: «Спасибо, спасибо» – и пошел работать. А я беззаботно, вообще не думая о Магомаеве, ушла обедать.

Кто там, наверху, заведует нашими встречами и расставаниями? Мог бы остановить меня, сказать: запомни этот момент. Сказать: смотри, вот этого человека ты будешь любить всю жизнь. Но нет, не было любви с первого взгляда, не промелькнуло между нами никакой искры, и из первой нашей встречи я помню только его злость и эту жаркую, плывущую в жаре Москву.

А потом я увидела его по телевизору – кажется, он пел в праздничном «Огоньке»: «То ми пьаче, то ми пьаче, белла белла бамбина». Я знала, что у него прекрасный голос, но тогда поразила: какой потрясающий певец! Он брал даже не тембром, хотя тембр был удивительный. Там ощущалась такая глубина и вместе с тем такая бесшабашность... Как будто весь мир принадлежит ему. И сразу хотелось стать частью этого его мира.

Только вот внешностью он, честно сказать, не вышел. Какой-то уж слишком худой, неладно скроенный, с неровным, прыщеватым нервным лицом. Уже не подросток, но еще не мужчина. Но с таким голосом можно было быть хоть уродом. Его легкий, летящий баритон покорял сразу и навсегда. Неотразимый.

Еще раз мы с Муслимом столкнулись в ноябре, сразу после его московского сольного концерта в зале Чайковского. Магомаев буквально за полгода стал всеобщим кумиром. В газетах его уже называли звездой, у зала Чайковского люди убивались за лишние билетик, вся Москва только и говорила о «юном баритоне». Но не мне одной тогда казалось, что внешность у него не сценическая: я помню, в одном журнале в то время написали, что он – «типичный студент по внешности и манерам».

Столкнулись мы в коридоре Дома звукозаписи – вахтер, похоже, его уже узнавал. Муслим увидел меня и, улыбаясь, пошел мне навстречу:

– Здравствуйте!

– Рада вас видеть! – Я была хорошо воспитана. Но и действительно была ему рада. Ни о каких отношениях с ним тогда, конечно, не думала. Мне не до того было: жизнь моя набирала разбег, я в тот момент встречалась с прекрасным, весьма положительным человеком. Он занимал немаленький пост в горкоме партии, был старше меня лет на девять и сильно мною увлекся. Уже распланировал все на годы вперед – нашу свадьбу, свадебное путешествие за границу на корабле, наши совместные выходы в свет, свой карьерный рост, безбедную жизнь в большой квартире, – а мне все эти перспективы очень нравились. Он был очень, очень убедителен – партийный босс со всеми льготами и благами: квартира, машина, и даже за границу его выпускали. И меня, как его жену, тоже бы выпустили. Правда, я в то время официально была замужем, и, хотя с мужем мы уже вместе не жили, до свадебного путешествия на корабле было еще очень далеко – сначала надо было оформить развод. Но все равно будущее казалось понятным и безоблачным, и семья моя была абсолютно счастлива. Папа ходил довольный: «Вот дочка сейчас пристроится, и все будет хорошо».

Так что достатком меня нельзя было соблазнить. Да и громким именем – тоже. Я помню, как в детстве исподтишка рассматривала папиных и маминых гостей. Разве же они знаменитости? Просто к папе и маме пришли друзья – Тихон Хренников, Ваню Мурадели, Андрей Эшпай, Эдди Рознер, Леонид Утесов, Клавдия Шульженко... И меня, маленькую девочку, которая училась в Центральной музыкальной школе для одаренных детей, они все любили. Я поступила в эту школу совсем маленькой, мне не было еще пяти лет, но на вступительных экзаменах очень серьезно исполняла песню «Ой, цветет калина». Когда я, четырехлетняя девчушка, трагически затянула «Парня молодого полюбила я» – комиссия легла от смеха. Приняли меня, конечно, не за выбор песни, а за то, что слух был и голос, да и сыграть на рояле я уже

что-то могла. Поступала я в эту школу вместе с Колей Петровым, который был на несколько месяцев младше меня. Такие люди вокруг и такая атмосфера – это была моя привычная, обыденная жизнь, я и не представляла, что можно жить иначе.

Когда мне исполнилось тринадцать или четырнадцать лет, мы с двоюродной сестрой начали ездить отдыхать на лето в Пярну. До этого бабушка, которая нас с ней воспитывала, возила нас в Анапу. Но в Пярну было гораздо интереснее. Там в то время отдыхали Мария Миронова, Александр Менакер, Давид Ойстрах... А мы, девчонки, тогда крутили хулахуп. Тогда все крутили хулахуп, это было повальное увлечение, считалось, что он и для похудения необходим, чуть ли не официальные соревнования устраивали. И вот в Пярну возникло целое жюри, которое судило, кто из нас лучше крутит. Кажется, выиграла не я, но зато мне было чем похвастать: сам Аркадий Райкин был председателем этого жюри!

Там же я познакомилась с Андрюшей Мионовым, он приезжал с родителями отдыхать. Я была еще слишком маленькой и не могла полностью оценить тонкий и неповторимый Андрюшин юмор, но никогда в жизни не забуду, как он довел тамошнюю интеллигенцию до истерики. Кто-то играл в теннис, а Андрюша комментировал эту игру. Причем комментировал он каждое движение, и никто под этот комментарий не мог ни замахнуться, ни ударить, потому что все ослабели от смеха. Мячи летели во все стороны, в кусты, на деревья, только не на теннисный корт. И вот очередной мяч улетает куда-то в небо, и Андрюша говорит: «Ну, теперь понятно, что игра будет длиться до тех пор, пока не закончатся все мячи».

И тут игроки побросали ракетки в изнеможении, уже не было никаких сил смеяться.

Наше знакомство с Андрюшей продолжилось в пионерском лагере, куда меня отправили в наказание – чем-то я разозлила родителей. Но мне в пионерском лагере очень понравилось. К нам на танцы приходили мальчишки из окрестных домов. Пионерский

галстук мы поворачивали набок, вроде косыночки, и шли на танцы. Главным танцором у нас как раз и считался Андрюша Мионов, у его родителей там недалеко была дача. Все девочки стояли в очереди, чтобы с ним потанцевать. Он был немного старше нас, уже лет семнадцати, но лето у него и его друзей выдалось скучное, делать им было совершенно нечего, так что они ходили к нам в пионерлагерь на танцы. В этом возрасте три года – это пропасть, огромная разница, он уже казался взрослым, а мы были совсем несмышленные, старше пятнадцати лет среди нас никого не было. Андрюша тогда еще не был знаменитым, в своем первом фильме «А если это любовь?» Юлия Райзмана он снялся лишь через пару лет, а тогда был просто очень интересный парень. Говорил так, что заслушаешься, а танцевал так, что все в обморок от него падали.

Так я жила – с детства среди звезд, будущих или настоящих, с детства – среди ярких, необычных, талантливых людей.

Поэтому для меня все эти имена молодых многообещающих певцов – Муслим Магомаев, Иосиф Кобзон, Юрий Гуляев – не были именами небожителей, для меня это были просто коллеги по работе. Мои друзья. Никакого захлеба: «Ах, я разговариваю с Магомаевым! Ах, знаменитость! Ах, звезда!» Господи, да у меня вся жизнь – звездное небо, и когда я пришла на радио, там тоже был настоящий звездопад!

Я просто радовалась тому, что в музыкальном братстве появился безумно талантливый человек. А во время этой нашей второй, мимолетной встречи поняла, что он еще и невероятно обаятелен. В нем уже не было никакой нервозности, никакой раздражительности. Плохо помню, о чем мы тогда говорили, вели обычную светскую беседу. Но потом он похвастался, что надолго уезжает на стажировку в Италию, в оперный театр «Ла Скала». Я чувствовала, что он очень гордится – еще бы, «Ла Скала»! – но мне показалось, что слово «надолго» он произнес с сожалением. А может, это я вдруг огорчилась, что долго его не увижу. Совер-

шенно не хотелось заканчивать разговор, вот это я точно помню. И еще помню его улыбку. Безумно обаятельная, немного смущенная улыбка, и ямочка на щеке.

Но мне некогда было думать о чужих улыбках: главное место в моей жизни занимало радио – музыка, записи, передачи. Из программы «С добрым утром!», где я работала внештатным музыкальным редактором, меня практически украли. Мой коллега Толя Горохов подпольно руководил моим побегом в Отдел советской песни и эстрады – тогда это был самый популярный отдел Главной музыкальной редакции Всесоюзного радио и телевидения. В те времена на постоянную работу брали только после трех месяцев испытательного срока, а меня приняли сразу. Музыканты и певцы уже знали по «Доброму утру», что я хороший музыкальный редактор, со мной все записывались с удовольствием. А меня захватила работа в Отделе советской песни и эстрады. Там работали мастера – Чермен Касаев, Ксана Шалькевич, Маша Журавлева.

Какие же это были счастливые дни! Как же мне нравилось то, что мы делали! Радиошоу «ДоРеМиФаСоль», «В субботу вечером», «После полуночи»... Мы не только занимались новыми записями песен и эстрадной музыки, мы отвечали за все трансляции концертов из Колонного зала, Дворца съездов, с больших концертных площадок. В то время на работу я не шла – я туда летела. В наших передачах начинали Гриша Горин, Аркадий Арканов, Марк Захаров, Аркадий Хайт, Эдуард Успенский – их теперь называют не иначе как мэтр, гений, маэстро, а в ту пору никто из них не был обременен ни званиями, ни регалиями, а только молодостью и талантом. И среди них я – молодая, увлеченная работой, счастливая.

И хорошенькая, не буду приbedняться. В то время не было ни одной мужской особи, кто мог бы пройти мимо нашей редакции и не застрять. Помню, как Володя Атлантов разговаривает со мной в коридоре, а мимо идет Рачковская, главный редактор

До знакомства с Муслимом

И все толпой в студию – посмотреть на новую редакторшу. У меня запись, а в студии не протолкнуться, очередь как в Мавзолее. Один заходит, другой выходит. Только вышли: «А вы знаете, кто это?» – «И кто же?» – «Дочка композитора Бори Фиготина!» – и опять все в студию толпой, по второму разу, посмотреть на дочь Бори Фиготина. Потому что папу все тоже знали, всем было интересно.

Лева Оганезов мне недавно напомнил те дни: «Мила, – говорит – ты же никогда про себя не понимала. Ты ж могла столько всего совершить одним взглядом! Но нет, вся такая наивная, вечно увлеченная музыкой, творчеством, а не карьерой».

Это правда. Ничего я тогда про жизнь не понимала, работала себе и работала. Личные дела меня не обременяли, мой партийный деятель не форсировал события, а я была счастлива на работе и ни к чему большему не стремилась.

редакции «Маяк». Поворачивается к нему: «Владимир Андреевич! Ну а вы-то, оперный исполнитель, что делаете около этой эстрадной комнаты?» А он ей: «В этой эстрадной комнате такие женщины, что я просто не могу пройти мимо».

У нас в редакции действительно были удивительные женщины – обаятельные, умные, с редким чувством юмора. Когда я только пришла на радио, сразу поползли слухи:

– Ой, какая там новая редакторша, видели новую редакторшу?

И вот я иду однажды по своей вотчине, по первому этажу Дома звукозаписи, смотрю - сидят два красавца в креслах. Один красавец Юра Гуляев. А рядом с ним шикарный мужчина... Магомаев! Вернулся, значит, из Италии. Похорошел до невозможности. Появилась какая-то уверенность в себе, лицо разгладилось. Он мне потом, кстати, рассказывал, как снимал эту неровность, эти прыщи на лице: пивными дрожжами.

Два таких мужика! Глаз не отвести ни от того, ни от другого. А я девушка тоже не самая плохая: безразличный взгляд вдаль, грудь вперед, иду себе мимо. Муслим – человек стеснительный от природы. А Юра Гуляев всегда был посмелее в обращении с женщинами. Он мне вслед и говорит – с этакой подначкой, игриво: «Девушка!» Я повернулась и спокойно ему: «Я вас слушаю».

А он и не знает, что сказать, настолько обалдел от того, что я так спокойно отреагировала. Молчит. На меня смотрит. Я гово-

Италия, 1964

*В студии со звукорежиссером Николаем Данилиным.
Мила записывает «Загадай желание» с Муслимом, 1965*

рю: «Вы знаете, Юра, я скоро буду идти обратно, вы вспомните, что хотели мне сказать, и тогда скажете». И ушла.

Потом уже мне Муслим рассказывал: «Когда я тебя увидел, сердце замерло. Думаю – ну, все. Ну вот. Вот. Это то, что мне нужно. А тут Юра восхищенно: “Вот это бабец пошел!” И меня так это разозлило! Какой мерзавец! Как он мог так про тебя сказать!»

Вот так, три встречи, и все было predetermined, и я нет-нет, да и начала задумываться о Муслиме, а он всерьез мной заинтересовался. В первую встречу он был такой злющий, что только и смог через силу улыбнуться и «спасибо» сказать. Во второй раз это была уже совершенно другая улыбка и другое «спасибо», Муслим был само обаяние. А вот в третий раз и он, и я – мы оба поняли, что так просто это дело не закончится.

Тем более что у нас с ним началась работа. Мы должны были записывать песню Арно Бабаджаняна «Загадай желание». Это как раз самое начало нашей совместной творческой жизни – не «творческой деятельности», а именно творческой жизни. «Будь со мной» и «Загадай желание» – вот первые песни, которые я с ним записывала как редактор. И обе, конечно, о любви.

На первую запись Муслим пришел с Ларисой Голубкиной. Пришел раньше назначенного времени, а в редакции что-то не состыковывалось, надо было ждать, пока нам дадут студию. Потом оказалось, что время записи перенесли. Я подошла к нему:

– Муслим, извините, пожалуйста, но студию перенесли на более позднее время, давайте и запись тоже перенесем.

А ему явно не хотелось уходить:

– А как же песня? Я подожду, – говорит. – Я подожду.

Фонограмма уже была сделана, ему оставалось записать только голос. Лариса его звала-звала: давай пойдём, нас ждут, а он ни в какую. Я вижу – она нервничает, говорю:

– Муслим, я потом закажу студию в удобное для вас время и позвоню вам. Мы еще встретимся, я вам обязательно позвоню по поводу записи.

И он ушел, лишь когда услышал это «мы еще встретимся».

А я улыбнулась ему на прощание, и так улыбка у меня и не гаснет, не могу от нее избавиться. Поднялась в редакцию, говорю девчонкам: «Запись с Муслимом сорвалась, а он-то хотел ждать! Уходить не хотел!» – и улыбаюсь, улыбаюсь... Маша Журавлева, наш редактор, как увидела эту мою улыбку, сразу сказала: «Даже не думай! Уж он-то за тобой ухаживать не будет. На этого человека сейчас такой спрос, что тебе тут не стоять».

Я, честно говоря, никого специально и не окручивала. Поклонники сами вились вокруг. Я молодая девочка, конечно, всем интересно было. Но тут меня заело, я же чувствовала, что Магомаев заинтересовался. Убрала улыбку и говорю Маше: «Хочешь, на спор? Неделя. Спорим на бутылку коньяка».

Отношений, может быть, никаких и не случилось бы, если бы не Арно Арутюнович Бабаджанян. Муслим так и не мог побороть свою стеснительность и вряд ли пригласил бы меня на свидание. Но Арно, с которым мы тогда уже дружили, всегда звал меня в гости – под предлогом, что надо работать над записью новых песен. И как ни приду – там Магомаев. И песня «Будь со мной» начинает звучать совсем иначе, и какое желание загадать, я, кажется, знаю.

На запись «Голубого огонька» артисты могли прийти с кем-нибудь из друзей или родных. Муслим пригласил меня. Я иногда пересматриваю ту программу: мы сидим за столиком вчетвером, Арно Бабаджанян со своей женой Терезой и мы с Муслимом. Муслим и Арно там разыгрывали сценку – сначала один вставал за камеру, вроде бы он телеоператор, а потом второй. Арно был такой живой, такой безудержно веселый, он искрился счастьем, приплясывал за телекамерой. А Муслим... Когда он встал перед микрофоном, когда он запел «Будь со мной»... Вот стоит этот молодой красавец, смотрит мне прямо в глаза. И мне, только мне говорит: «Будь со мной! Будь со мной всегда – грустью разлук, радостью встреч», – таким голосом, что я чувствую, как у меня сердце –

ух! – музыку заглушает. Отсняли этот номер, и я выскочила из студии. Дышу глубоко, чтобы успокоиться, а щеки огнем горят и сердце громко-громко: тук-тук-тук-тук... Отдышалась, пошла обратно. Загадай желание, пусть оно исполнится.

С Анатолием Гороховым в Сокольниках, 1967

2.

Толя Горохов был не только музыкальным редактором, он был и исполнителем, и поэтом – написал слова ко многим песням Арно Бабаджаняна: «Королева красоты», «Солнцем опьяненный», «Будь со мной», и именно Горохов перевел на русский язык «Белла чао». На радио он вел музыкальную программу «После полуночи». Ко мне он дышал неровно, несмотря на свою женатую жизнь, но мы просто приятельствовали. А с Муслимом он очень дружил, они оба обожали итальянскую оперу.

И вот Горохов мне говорит:

– Муслим приглашает нас на обед.

– Почему это «нас»?

– Муслим меня попросил, чтобы я пригласил тебя.

Магомаев тогда снимал номер в «Метрополе», четырехкомнатный люкс. У него как раз шли гастроли на Дальнем Востоке, а в Москву он приехал буквально на несколько дней, на концерт, посвященный его деду Муслиму Магомаеву и Узеиру Гаджибекову – азербайджанским классикам, основоположникам азербайджанской оперы. Но концерт уже прошел, а возвращаться на Дальний Восток Муслим, похоже, не спешил, хотя там, на гастролях, сидел и ждал его квартет «Гая». Люди приехали на заработки, а без Магомаева, естественно, все остановилось. Ему же было не до гастролей.

С Анатолием Гороховым в Сокольниках, 1967

Сокольники, 1967

Да и я уже чувствовала, что мир сдвинулся. Моя личная жизнь потихоньку отходила в сторону, все эти разговоры о свадьбе начали раздражать, а к Магомаеву меня тянуло так, что я ни работать, ни думать ни о чем не могла.

И вот мы с Толей пришли в «Метрополь» к Муслиму. Сидим, разговариваем, выпиваем, естественно. Ведем какие-то обычные разговоры о делах, о музыке, о знакомых, а воздух как перед грозой. И алкоголь меня не берет, я и без того захмелела. Затянулись наши посиделки уже допоздна, пора бы и по домам. Муслим говорит: «Слушайте, ребята, поздно уже, куда вы пойдете? Оставайтесь! Смотрите, сколько комнат».

И действительно, расположиться-то есть где – огромная гостиная, столовая, кабинет и спальня. Толя Горохов, как человек женатый, остаться не мог. И на меня смотрел сурово, мол, и тебе бы домой пора. А я говорю: «И правда, поздно уже, не поеду я куда».

Толя, как это услышал, разозлился ужасно. Прямо при мне вдруг начал что-то Муслиму говорить по-итальянски, говорит и на меня поглядывает. Уж не знаю, что он пытался Муслиму рассказать, но понятно было, что говорит обо мне что-то не очень лестное. Я сижу и думаю – ах вот ты как! Да хоть на французский сейчас перейди, на немецкий, на каком хочешь говори – ничего не добьешься! Сижу, злюсь, все-таки это крайне невоспитанно и невежливо – говорить при мне на языке, которого я не понимаю. Но смотрю – Муслим улыбается. И что-то Толе отвечает, тоже по-итальянски. И мне почему-то кажется, говорит он что-то вроде: «А мне наплевать на все, что ты тут плетешь. Можешь хоть до второго пришествия болтать, мне все равно. И вообще, уходи лучше, раз ты в таком настроении».

Толя собрался и ушел, а мы остались. Долго-долго разговаривали – о музыке, о только что прошедших записях. Я спросила, почему он с Толей говорил по-итальянски, а он улыбнулся: «В прошлой жизни я, наверное, был итальянцем».

Шутил, конечно, но ему явно нравилась эта идея. Начал рассказывать о своей стажировке в «Ла Скала», о том, как он там купил пластинок, как пересмотрел все фильмы про ковбоев и все фильмы про Джеймса Бонда. Даже пересказывал мне какие-то эпизоды. Хотя я и сама была девушка элитарная, на все закрытые просмотры ходила и что-то знала про Бонда – как он уходит от погонь и как женщины от него млеют.

Рассказчик Муслим удивительный. Время уже за полночь, а мы все никак не наговоримся. Но спать-то людям положено. А как тут спать? Договорились: вот тебе кровать, вот мне кровать. Расположились каждый в своем углу. Но кто ж спит-то! Мне кажется, я через всю комнату его сердце слышу, а уж мое и вовсе гремит на всю Москву. Джеймс Бонд знал бы, что делать в такой ситуации... И вот он встает, идет ко мне, вот сейчас он меня обнимет... А я с перепугу как толкну его! Он через всю комнату пролетел. И обиженно так из своего угла: «А кто бы и хотел-то! Спи себе на здоровье».

В Италии на стажировке с В. Атлантовым, 1963

Я лежу и чуть не плачу. Да что ж я так с ним обошлась? Зачем же я это сделала? Но все, момент уже упущен, у меня же есть гордость, я сама ни за что к нему не пойду после таких слов, буду лежать и страдать. И сердце уже стучит не так сильно, и Муслим, кажется, засыпает. Зачем же я так, а? Вдруг это была моя судьба, а я ее упустила? Сокрушалась, сокрушалась – и заснула. Так и проспала в разных углах, а утром я быстренько ушла на работу.

У нас в то время в буфете продавался коньяк. И вот с той ночи каждый день, каждый обеденный перерыв в редакции появлялся Магомаев, вел всех в буфет и угощал коньяком. Он поил и кормил всю редакцию, а смотрел только на меня.

Проиграла мне Машка Журавлева, недели не прошло с нашего спора. А бутылку, кажется, так и не отдала, сейчас уж не помню. Но спор был. И я выиграла.

Снимал Муслим, 1966

Пили мы коньяк в буфете ежедневно, пока на нас не написали докладную записку, что эстрадная редакция занимается не тем, чем должны заниматься советские люди в рабочее время. И алкоголь, к ужасу всего коллектива, убрали из буфета. Но по редакции, а потом и дальше, пошли серьезные разговоры: слушайте, что-то Магомаев уже не первый день и не в первый раз, а прямо-таки постоянно появляется везде с одной и той же девушкой.

И вот уже скоро Новый год. Муслим должен все-таки улетать на гастроли на Дальний Восток. И вдруг он мне говорит:

– Я тебе позвоню из Хабаровска, я бы хотел, чтобы ты приехала на встречу Нового года.

– Куда??

– В Хабаровск.

Господи, где Москва, а где Хабаровск? Я даже географически не могла себе это представить.

– Как это – приехать на Новый год?

– Ты подумай: я тебя приглашаю, оплачиваю дорогу, тебя там встретят. Все будет сделано, самолет, гостиница, ни о чем не волнуйся.

«Не волнуйся»! Легко сказать! У меня-то в это время развиваются серьезные отношения с другим человеком. А тут, понимаешь, Хабаровск. И главное, на Новый год!

Правда, физически я к моему жениху привязана не была. Не так уж сильно он меня привлекал, отношений никаких у нас не было, я даже не помню, целовались ли мы с ним. Может быть, и целовались, но что же это был за поцелуй, если я его даже не помню. И вообще, мне было совершенно не до него, я из-за Магомаева ночи не сплю, все думаю: Хабаровск – не Хабаровск...

А Магомаев уже улетел, но звонит оттуда каждый день. Каждый день!

Я сходила с ума. Это даже нельзя было назвать сомнениями, я не сомневалась, я терзалась. Папу боялась безумно. Всю жизнь была безупречно послушной дочерью, а папа у меня к тому же огонь – если вспыхнет, такой пожар начнется, сожжет всех вокруг. С Муслимом у нас тоже пока еще никаких отношений, полтора поцелуя, можно сказать. Так что не надо бы мне ехать в Хабаровск: с одной стороны, еще неизвестно, что там получится с Магомаевым, а с другой – понятно, какая война начнется дома. Но Муслим Магомаев – это же не просто большой артист, это совсем другая жизнь! И на работе на меня все смотрят оценивающе: «Вот как, даже сам Магомаев сломался».

То есть желание-то у меня появилось, но страх все-таки пока перебивал всякое желание. А Муслим все звонил и звонил.

В один прекрасный день раздается очередной звонок: «Ну что, как ты?» И вдруг мне стало очевидно, что я должна полететь. Мне так надоело бояться, что-то придумывать, врать самой себе... Решено. Закрывает глаза и выдохнула: «Я лечу». – «Прекрасно. Высылаю тебе билет».

3.

Решено-то решено, но тут я начала осознавать, что надела. И меня затрясло от ужаса. Несмотря на то что к тому времени я уже успела замуж сходить, то есть вроде уже была взрослым человеком, папа держал меня в ежовых рукавицах. Он не считал мой первый брак таким уж серьезным. А когда я только пошла работать на радио, папа сказал: «Чтобы вела себя прилично! И чтобы никаких и ничего! А то, – говорит, – убью!»

Папа – человек слова. Сказал – убьет, значит, убьет. А тут – Хабаровск...

Что мне делать? С кем посоветоваться? Кому все рассказать? Только бабушке. Бабушка, папина мама, была моей подружкой, бабушка знала обо мне все. Она была главным человеком в моей жизни. Меня забрали из роддома – и отдали в руки бабушке, и она меня кормила, растила, лечила, воспитывала, она была мне ближе, чем мама. Бабушка всю жизнь обижалась на мою маму, что она забрала меня из ЦМШ. Я же училась там с раннего детства, мне прочили пианистическую карьеру, я играла отчетные концерты в Малом зале консерватории. Но мама развелась с папой, уехала в Пензу и забрала меня с собой. Бабушка умоляла, чтобы меня оставили, но мама хотела жить со мной. В Пензе я пошла в обыкновенную школу, и музыкальная школа там тоже была обычная, без таких серьезных преподавателей, как в Москве, требовали там от учеников гораздо меньше. У нас в Пензе даже пианино

1966 год

дома не было! Фортепианная техника, конечно, у меня ушла. Так что когда я после седьмого класса вернулась в Москву, на фортепианное отделение не прошла, а поступила в училище имени Ипполитова-Иванова на дирижерское. Мама умерла за десять дней до моего шестнадцатилетия, и жила я уже с бабушкой.

Дальний Восток, 1966

И вот я бабушке рассказываю всю историю: еду, мол, к артисту Магомаеву в Хабаровск встречать Новый год. А для нашего дома артист – это смерти подобно! Ну да, папа сам композитор. Так тем более! Сколько он их перевидал! Артист – это несерьезно. Папа первый так считал. И отношения с артистами не могут быть серьезными, и приведут они только к позору.

Я бабушке все рассказала, пусть и нечего пока рассказывать было. Она меня выслушала и говорит:

– Хочешь лететь – лети. Только я тебя прошу, чтобы ты никаких отношений с ним там не заводила.

– Да ни за что! – клянусь. И ничуть не лукавлю, я же действительно лечу только встретить Новый год.

А она все уговаривает:

– Не давай ему! Не давай! Лучше недодать, чем передать! А то ты же этих артистов знаешь, у них же в каждом городе по невесте, у них десяток таких, как ты...

Умная бабка была. Напичканная ее напутствиями, я пошла к своему ухажеру и объявила ему, что улетаю на Новый год. А у нас с ним уже какие-то совместные планы на праздник, к кому-то мы должны вместе идти Новый год отмечать.

– Я на Новый год улетаю.

– Куда?!

– В Хабаровск.

– Зачем?!

Ну что мне придумать? Какое такое важное дело?

– У меня, – говорю, – тетя заболела. В Хабаровске.

Он даже не сразу нашелся что сказать. Какая тетя? Какой Хабаровск? – А что, – спрашивает, – твоя тетя не может подождать? Полетела бы ты к ней после Нового года.

– Нет, мне нужно срочно, все-таки больной человек! Я всего-то на недельку...

– Я лечу с тобой!

– Не-не-не-не! Не надо со мной! Я сама!

– А как же наши планы?

– Да что ты переживаешь, я всего на неделю, перенесем наши планы, всё потом. Старый Новый год будем справлять вместе.

Я вообще не понимала, что говорю, что делаю, что придумать, лишь бы он за мной не увязался. Кажется, даже пообеща-

ла, что мы перенесем Новый год. Ничего не соображала. Единственное было у меня важное дело – собраться. Я серьезно подготовилась. Для празднования Нового года нашла сумасшедшее платье: красное, спереди все закрыто, но сзади такой вырез, что спина обнажена до самой попы. Что еще? Подарки надо привезти. Муслиму я решила подарить на Новый год золотой крестик на золотой цепочке. Католический. Он же сказал тогда: «Я, наверное, итальянец», – вот я и подумала, что это будет красивый подарок. Ну и надо еще привезти что-нибудь на праздничный стол, Новый год все-таки.

У меня в поклонниках тогда ходил Юра Соколов, директор гастронома № 1. Сегодня о нем легенды рассказывают, фильмы снимают, а в те времена он просто был директо-

Дальний Восток, 1966

Дальний Восток, 1966

ром Елисеевского магазина. Тогда некоторые продукты можно было достать только по блату, а он мною очень интересовался, вот и снабжал. Я бросилась к нему в Елисеевский: давай икру, еще что-нибудь дефицитное, набрала целые сумки с собой – и в самолет. А лететь долго... Спать не могла, меня колотило всю дорогу. Что будет? Вдруг бабушка права? Вдруг он просто флиртовал и у него таких, как я, десяток? Вдруг он даже встречать меня не придет? Что же я наделала...

И вот самолет приземлился, а я не встаю. Ноги не идут. Подходит ко мне стюардесса:

– Вы почему не выходите?

А я не знаю, что сказать, меня трясет, и сама слышу – голос у меня жалобный-жалобный:

– Меня должны встречать...

– Кто вас должен встречать?

– Вы знаете, я даже сказать боюсь...

Уже и остальные стюардессы подошли, всем любопытно, что тут за девушка чудит:

– Кто же?

– Меня должен встречать Магомаев. Вы можете посмотреть, там кто-нибудь есть у трапа?

Одна ушла смотреть, а вторая мне так ласково объясняет, как будто я не в себе:

– Зачем же он будет стоять около трапа? Он же вас будет, наверное, встречать в аэровокзале?

Тогда ведь не было этих рукавов, по которым от самолета проходят прямо в здание. Прилетаешь на поле, подъезжает трап, сходишь по трапу на поле и пешком идешь в аэровокзал. Действительно, думаю, даже если он и приехал меня встретить, вряд ли он прямо к самолету подойдет, холод ужасный... Да и кто я ему? Он наверняка не здесь, а с теми девушками, о которых бабушка говорила, их ведь надо развлекать... И тут от двери бежит стюардесса: «Он там! Он у трапа стоит!!!»

Репетиция перед концертом. Дальний Восток, 1966

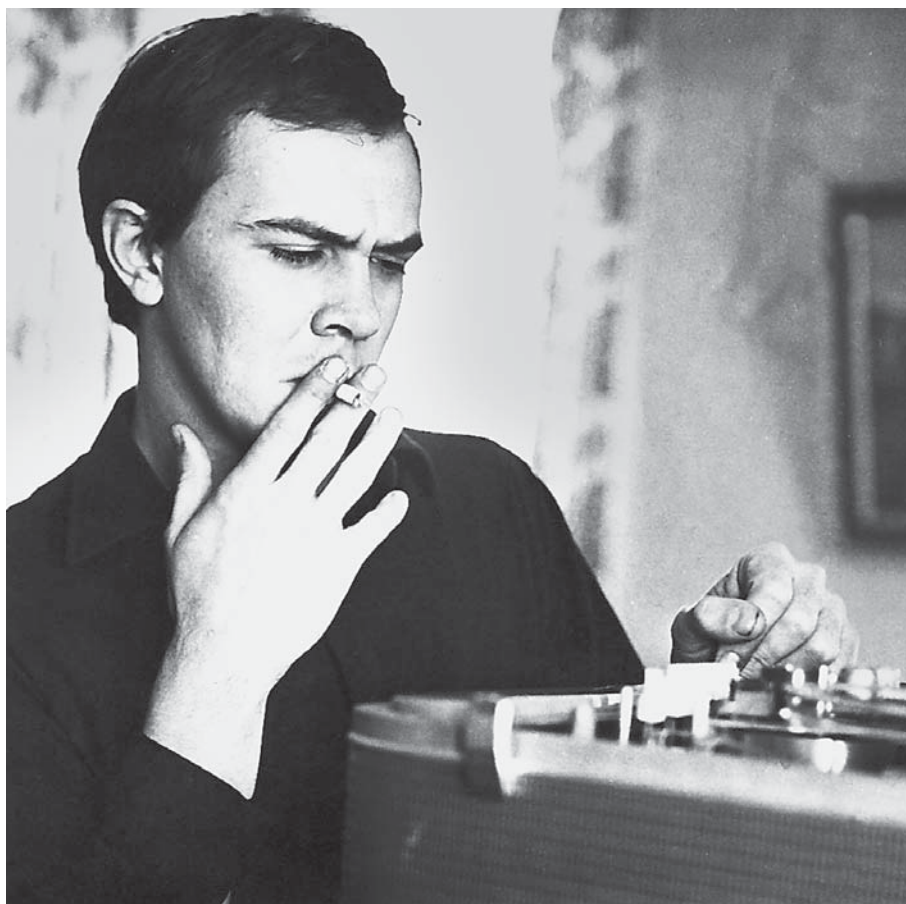
Я еле на ногах держусь, выхожу совсем неживая. Мороз градусов под сорок, а я в нейлоновой шубке из комиссионки – эта шубка была на обложке журнала *Vogue*, так мне продавщица сказала. Красивая шубка, но не для морозов, только для обложек. Смотрю – действительно, Магомаев стоит у трапа. Меня еще сильнее затрясло – и от счастья, и от мороза, я слетела к нему как сосулька с крыши.

Магомаев со своим директором, Ильдымом Касимовым, отвезли меня в гостиницу, сделали номер – отдыхай! А это уже 27 или 28 декабря, все готовятся к встрече Нового года, везде предновогодняя суета.

И тут оказывается, что Магомаев решил всем подарить меня как новогодний подарок. Так что выходить из номера я должна с оглядкой, на концерты не хожу, завтракаю в номере – и все ради сюрприза. Прятал меня, прятал, никому не показывал. Настало 31-е. Я прическу сделала, надела красное платье, в зеркало посмотрела – спина голая сияет... Муслим даже не нашелся что сказать, когда меня увидел. И мы пошли в его номер праздновать. Там полно народу, на гастроли многие приехали: и квартет «Гая», и конферансье Юра Григорьев. Мы с Муслимом вошли – и раздалось тихое: «Аааааааааа!» Даже не вздох, а стон восторга. Муслим руку мне на голую спину положил, гордо оглядел всех: «Вот, это моя гостья».

И начался бесконечный праздник. Всю ночь гуляем, на следующий день у него концерт, потом опять, естественно, гульба. Мороз в Хабаровске дикий, а в номерах топят до невозможности, поэтому форточки мы держим открытыми. А я в этом полуголом платье, да еще танцы сумасшедшие... Через день, конечно, у меня поднялась температура, горло заболело. Муслим попросил вызвать врача. Оказалось, у меня ангина. Дотанцевалась.

В гостиничном номере на Дальнем Востоке

Муслим раздает автографы. Дальний Восток, 1966

Предложили мне сделать курс уколов пеницилина, чтобы побыстрее прошло. Ну, надо – значит, надо. Муслим, правда, отговаривал:

– Да зачем тебе эти уколы? И так пройдет.

– Да ладно, – говорю, – медицинскую сестру уже вызвали, зачем же ее зря по такому морозу гонять? Придет – ну пусть делает пару уколов, потом прекратим.

Сделали мне укол, сестра ушла. Муслим сел к роялю, начал что-то наигрывать. Он часто так играл, сам для себя, как будто думал вслух. Я стою возле него, слушаю – и чувствую какую-то неуютность в организме. И музыка слишком громкая, распадается на отдельные звуки, и внутри меня что-то не то, как будто распирает. Горло начинает саднить и чесаться. И вообще все чешется. Я взглянула в зеркало – а у меня лицо синее! И поверх красная сыпь.

Я не успела испугаться, как вдруг меня скрутило. Дикая боль в животе, все поплыло, я осела на пол от боли. Говорить не могу, думать не могу, хочу только избавиться от этого ужаса. Муслим на меня взглянул – и закричал. Срочно вызвал Ильдрыма, тот позвонил в «скорую». А я рву на себе платье, по полу катаюсь от боли, но сквозь этот туман понимаю, что Муслиму еще страшнее, чем мне. Никогда не забуду, как он кричал: «Господи, забери все, что у меня есть, мой голос, все – только не дай ей умереть!»

А «скорая» все не едет... А ждать уже времени нет, я умираю.

– Ты на чью фамилию вызвал «скорую»? – кричит Муслим Ильдриму.

– На ее фамилию, на какую же еще.

– Ты идиот?! Поэтому никто и не едет! Надо было на мою фамилию, они бы уже были здесь!!!

И вот четыре мужика, квартет «Гая», берут меня на руки, заворачивают в одеяло, тащат в концертный автобус – и в больницу. Бегут со мной на руках в первый попавшийся кабинет, а там, в смотровой, на кушетке лежит женщина. Они, не глядя, ее смахивают с кушетки и меня прямо в одеяле на эту кушетку опускают. Врач обалдел:

– Вы что, да разве так можно?

– Она умирает, сделайте что-нибудь!

Он на меня посмотрел, спросил, что случилось. Укол пенициллина? – и тут же сделал мне укол атропина. Стало чуть легче. «Гая» вернулись в гостиницу, забрали Муслима, и он пошел петь концерт. Пел, не зная, удастся ли меня спасти, с единственной мольбой, чтобы я выжила...

Врач, увидев, что я прихожу в себя, решил, что опасности уже нет, можно меня отпустить. На прощание сказал: «Когда вас втащили эти амбалы, я понял, что меня просто убьют, если я не спасу вам жизнь. Но вы, главное, запомните, у вас аллергия на пенициллин, он вам категорически противопоказан».

Забрали меня оттуда, привезли в гостиницу, и я провалилась в полудрему–полубеспамятство.

И вдруг открывается дверь. Мне кажется, что я еще сплю – и вижу, что Муслим прямо от дверей ползет ко мне на коленях: «Боже мой! Ты жива!!!»

Я очнулась. И почувствовала все остро-остро: жар нато-пленного гостиничного номера, ожог морозного воздуха из форточки, все обещания наступающей ночи... Как Муслим плакал! Как я плакала! Он обнял меня, и это были совсем другие объятия, он никогда так до меня не дотрагивался. До этого он ведь даже не пытался меня соблазнить. Потом мне говорил: «Я знал, что ты уже и замужем была, и развелась, но ты выглядела как маленькая девочка, – я даже как-то боялся». Сам-то он был всего на два года старше меня, но долго относился ко мне как к ребенку, даже на первой подаренной мне пластинке написал: «Маленькому ребенку Милочке».

Но после этого потрясения, после того, как я чуть не умерла, после его слез и мольбы, после его объятий, – в эту ночь я оставила вещи в своем номере, а сама переехала к нему.

А утром он встает, подходит к роялю – а голоса нет как не было.

– Вот видишь, Мила, – шепчет он, – сбылось. Я попросил – и сбылось... Но, слава богу, ты живая.

«Забери все, забери мой голос, только не дай ей умереть» – все сбылось, но что теперь делать-то? Концерты назначены на каждый день – а голоса нет. Приходится концерты отменять. Весь график гастролей срывается. Но это полбеды. Муслим страдает, что больше никогда не сможет петь, а значит, жизнь кончена. Я начинаю думать, что весь этот ужас произошел из-за меня, что это какой-то рок и я приношу несчастье. Впору тоже взмолиться: «Забери у меня все, только верни ему голос!..»

Какие только врачи к нам не ходили! Все говорили, что это посттравматический шок, что голос никуда не делся, все нала-

дится, но как этот шок быстро перебороть – никто сказать не мог. Кто-то советовал молчать и пить успокоительные, кто-то утверждал, что нужен еще больший шок. Ходили к нам врачи, ходили, и вот очередной доктор отзывает меня в ванную и говорит: «Вы знаете, есть способ ему помочь, надо встряхнуть организм. Мы сделаем ему укол сильного наркотика – морфин, героин, что-нибудь такое, чтобы его полностью перетрусило».

А раньше в ваннах были тройники – вешалки для полотенца, такие три палки в стене. Я выхватила этот тройник из стены и пошла на него: «Что?! А ну-ка вон отсюда!»

Я уже тогда поняла, что Муслим все делает на полную мощь, у него такая натура. И он очень подвержен влияниям, быстро подсаживается на что угодно. Как начал курить – так курит одну за одной, пока смола из ушей не пойдет... И я подумала: не дай бог, ему что-то уколуют, а кто знает, к чему это приведет? Вдруг подсядет? Как его потом спасать?

Полная безнадега. А главное, он и сам понимает, что полная безнадега. Он не просто говорить не может, нам и не о чем говорить. Сидим, молчим, и я не знаю, что делать. Потому что вся вина на мне. Чувствую, он и сам уже не знает, как ко мне относиться и что теперь будет – с нами, с ним, с его работой, с его жизнью.

И кто-то к нам привел очередного врача, милую пожилую женщину, такую спокойную, что, глядя на нее, и мы немного успокоились. Она все выспросила, выслушала и говорит: «Знаете, Муслим, не волнуйтесь, у вас это психосоматическое. Голос пропал оттого, что вы под сильным стрессом спели целый концерт. Все у вас будет хорошо. Главное – не нужно волноваться. Вот у меня есть настой, корень женьшеня, пейте три раза в день. И не пытайтесь петь. Помолчите. Вообще не пытайтесь ничего делать, не напрягайтесь, не думайте ни о чем».

Легко сказать – ничего не делать и расслабиться. Концерты срываются уже сколько дней! А ведь назначено чуть ли не

по два концерта в день. Уже пошли слухи, что Магомаева посадили. Сарафанное радио у нас всегда было на высоте, вот уже и до Москвы дошло, что Магомаев исчез, не поет, концерты на Дальнем Востоке отменяются. А как оправдать отмену концертов? Никому ведь не приходит в голову, что знаменитый человек может просто заболеть. Нет, это слишком скучно, слишком по-человечески. Слухи растут – даже не как снежный ком, а как воздушный шар. Его надувают, надувают, и он, конечно, лопнет, но сначала облетит всю страну.

А Магомаев послушно пьет три раза в день эту микстуру и молчит.

На третью ночь я впервые за все это время почувствовала, что он спокойно заснул. Не дергается, не ворочается всю ночь, а просто спит. И сам он тоже почувствовал какое-то улучшение, потому что наутро попробовал распеться. И голос вернулся. Уже не шепот, не хрип, а настоящий, магомаевский голос, пусть и звучит пока негромко и не очень уверенно. Но немота прошла. Постепенно, в течение недели, голос восстановился. Муслим уже мог петь совсем как раньше. Но это в номере, в спокойной обстановке. А что будет на концерте?

Я ему как заклинание повторяла: «Все будет хорошо. Все получится. У тебя удивительный голос, все получится».

Уже за кулисами, прямо перед выступлением, Муслим вдруг протягивает мне золотой крестик, который я ему на Новый год подарила: «Ты знаешь, не принес мне счастья этот крестик. Наверное, мне не надо его носить».

Я не верю во все эти «несчастливые» приметы и предметы, только в счастливые. Человек сам выбирает, быть ему счастливым или нет. А мой подарок не может принести несчастье. И прямо перед тем, как Муслим пошел на сцену, я его обняла – и незаметно в карман ему положила этот крестик.

Как он работал этот концерт! И дело не в том, что он всегда выступал божественно. Просто тот концерт был началом новой

жизни. Вот она, жизнь, никуда не ушла! Вот он, голос, вот музыка! И когда он пел *Сome Prima*, я стояла в кулисах и плакала. И у него были слезы на глазах. Он на сцене рыдает, я в кулисах рыдаю... Если бы меня спросили, что такое счастье? – вот оно, счастье, начало новой жизни, полное и острое ощущение, что перед нами – целый новый мир.

После такого концерта, после этих слез, после этого счастья приехали мы домой и решили, что наши жизни больше не могут идти параллельно, они должны обязательно переплестись. Вот тогда начался уже бурный, настоящий роман.

Мемуары

Карева Людмила Борисовна
Мила и Муслим: Музыка для двоих
Литературная обработка К.Р. Рождественской

Редактор *И.В. Кулюкина*
Художественное оформление
и компьютерная верстка: *А.А. Архутик*
Технический редактор: *И.К. Лобан*
Корректор: *О.В. Круподер, В.А. Нэй*

Формат 70 x 90 / 16 Гарнитура Constantia.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 21
Тираж 2000 экз.
Заказ №

ООО «Издательство «Этерна»
115477, Москва, Кантемировская ул., д. 59а
Тел./факс (499) 755-81-23
E-mail: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru